

Социальное конструирование времени и пространства как возвращение социологии к философии¹

Какие фундаментальные изменения произошли в развитии культуры и общества, когда спорт вторгся в повседневную жизнь и сделал ее «современной»?

В 1893 году в Дании была опубликована первая серьезная книга о спорте (Hansen, 1893). В ней, среди прочего, описывались некоторые старые формы бега, которые так никогда и не стали современными видами спорта, хотя — по крайней мере, гипотетически — они могли стать таковыми. Речь идет о беге в мешках и беге с наполненными водой ведрами на головах. Почему у них не было шансов и почему сегодня невозможно представить датские национальные соревнования по бегу с ведрами на головах или Международную федерацию бега в мешках? Подобные вопросы крайне важны для понимания того, чем же является спорт в настоящее время. Эти «неспортивные» состязания включали или могли без труда включить в себя все, что идеологи (и некоторые социологи) спорта относили к необходимым составляющим «настоящего» спорта: правила, состязательность, честную игру. Но, по всей видимости, они не были решающими критериями, определившими историческую трансформацию одних, а не других видов телесной активности в признанные виды спорта. Где же тогда искать такие критерии? Помимо описаний бега с ведрами и бега в мешках, в этой датской книге о спорте содержалось также описание новой спортивной практики легкоатлетических соревнований по бегу. И сравнение его с описанием неспортивных состязаний по бегу позволяет понять основные особенности современного спорта. Речь идет о времени и пространстве, точнее, о моделировании пространства и времени в спорте и — косвенно — включении пространства и времени в общепринятые социальные представления и практики.

Время в привычном (спортивном) смысле теперь стало тем, что могло и должно было измеряться как можно точнее при помощи секундомера, что делало человеческие достижения объективными. Точнее:

¹ Henning Eichberg. *Body Cultures: Essays on Sport, Space and Identity*. London: Routledge, 1998. Pp. 149–164.

1. Время *одномерно* и абсолютно; оно не многомерно или относительно.
2. Время имеет *направление*, как бег направлен к цели; оно необратимо.
3. Благодаря своему воображаемому скалярно-направленному строению время может *измеряться*, делиться, сравниваться и классифицироваться (как и деньги, о чем свидетельствует выражение «время — деньги»); время спорта — это время секундомера.
4. Квантификация времени означает, что время может быть зафиксировано в форме *результата*, определенного количества секунд (или — шире — спорт может быть выражен в сантиметрах, граммах и секундах); это делает возможным сравнение результатов и установление *рекордов*.
5. Но почему происходит квантификация, измерение и сравнение? Так как время здесь служит областью *скорости* и *ускорения*, рекорды всегда будут расти по направлению к открытому горизонту — быстрее, быстрее, быстрее (или — шире — *citius, altius, fortius*) (Eichberg, 1978, 1989a; Hopf, 1981; Sachs, 1984; Penz, 1987, 1990).

Пространство связано с этим устройством времени в самых разных отношениях. Оно представляет собой область, которая может и должна быть измерена, структурирована и стандартизована. Оно должно отвечать функциональным потребностям временных достижений. В результате, благодаря пространству время становится зримым: вспомним различные техники визуализации, наподобие часов, шкал или выражений наподобие «короче» или «дольше по времени». Точнее:

1. В пространстве преобладают *прямые линии*; оно *паноптично* и создает впечатление всевидения.
2. При помощи *разграничительных линий* пространство делится на различные дорожки для бегунов, чтобы они не могли столкнуться друг с другом (как происходило во время многих досовременных состязаний по бегу), и эта парцелляция дополняется сегментацией ландшафта для множества различных видов спорта: пространство для бега нельзя использовать для футбола, прыжков или тенниса; и — по мере развития этого вида спорта — его нельзя использовать даже для скачек, вело- и мотогонок. Спортивное пространство становится *монофункциональным*.
3. Идеальной формой спортивного пространства как трехмерного объекта служит некое вместилище (*container*), коробка с прямыми углами; монофункциональность этой спортивной «коробки» означает, что различные виды спорта нуждаются в своих специализированных «коробках».
4. «Функция» спортивного пространства состоит в достижении результатов; и с этой целью пространство должно быть *стандартизовано* в соответствии с универсальными нормами, устанавливаемыми различными слоями и органами спортивной бюрократии; такое развитие делает пространство спорта независимым от конкретных мест.
5. Помимо своего геометрического «коробочного» аспекта, пространство спорта также содержит динамические элементы в форме пространственной *экспансии*, посредством которой многие спортивные дисциплины стремятся расширить свои «прямолинейные» тенденции, отрицая или контролируя неровности внешнего пространства, и постоянно диалектически во время спортивных мероприятий, проводимых под открытым небом,

пытаются «одомашнить» его и оградить вообразаемыми стенами (Eichberg, 1988, 1993; Bale, 1989, 1993; Pluig and Ingham, 1993).

Современность и рациональность в беге

Организация прямолинейного пространства и одномерного времени была не единственной возможностью в истории спорта, но другие возможные способы организации показывают – своим эфемерным или маргинальным существованием в современной культуре, – какая действительно стала гегемонистской. В старых народных практиках особой популярностью пользовался бег с препятствиями. На раннем этапе развития спорта специалисты все еще могли надеяться на превращение в спорт таких состязаний, как бег в мешках и бег с ведрами, однако устройство этих состязаний не соответствовало рациональности времени/пространства/результатов. Напротив, в этих играх особое значение придавалось столкновениям, кривым и изогнутым линиям, гротескным телам и веселью. Эти состязания не стали серьезными видами спорта, и их не встретишь в программе Олимпийских игр.

Еще одной разновидностью бега был бег по пересеченной местности. Здесь опыт пространства и времени формировался совершенно иначе, чем принято теперь: множество кустов и деревьев, пересекающихся тропинок и препятствий, запахов и времен года, различных ландшафтов и природы. Завоевавший определенную популярность, особенно в начале XX века, бег по пересеченной местности так и не стал самостоятельным видом спорта, но и не был полностью предан забвению: в каком-то смысле напоминанием о нем может служить более позднее спортивное ориентирование.

Кроме того, спортивный бег приобрел особое значение в гимнастике, которая дисциплинировала техники бега. В результате четко проработанных комбинаций упражнений и подчинения бегунов командам тренера и прямоугольному пространству гимнастического зала этот вид активности стал еще одним проявлением западной рациональности, ориентированной не столько на результат, сколько на абстрактную дисциплину тела. При помощи бега в пространстве спортзала происходило моделирование, тренировка и воспитание тела; бег был одним из средств формирования «правильной» осанки («прямая спина»). Сравнение этих различных видов бега показывает, что спорт – это не «естественная», а весьма специфическая форма организации пространства и времени, и что ни пространство, ни время сами по себе не являются ни «естественными», ни универсальными. Потенциально многообразная, но все же гегемонистская структура современного бега показывает, что не существует «естественного баланса» или равновесия между пространством и временем. Естественнаучный термин «измерения» (*dimensions*) кажется слишком абстрактным для описания конкретных социальных способов организации пространства/времени. Пространство и время не просто идут рука об руку: современный спорт, по-видимому, устанавливает господство времени над пространством. Это легко понять, если сравнить его с аристократическими развлечениями XVII-XVIII веков – танцами, фехтованием, скачками и теннисом, – которые устанавливали господство пространственного порядка над временной динамикой, социальной геометрией тела. Современный спорт, напротив, не предполагал структурирования геомет-

рического мира при помощи сдержанных, благородных и ритмичных движений; скорее, происходило «исчезновение» пространства в процессе его освоения спортом, превращение его в ровную панораму, стертый горизонт и стандартизованную область для проецирования обтекаемых тел. Пространство примерно отвечает единообразным условиям и рамкам для спортивной временной динамики производства результатов. Спортивных рекордов, измеряемых в сантиметрах, намного меньше, чем рекордов, измеряемых в секундах, и даже эти немногочисленные «пространственные» рекорды (как в прыжках или метании) служат кирпичиками динамической временной организации, преодолевая сложившийся горизонт в стремлении к открытому будущему. Иерархия современной культуры движения может быть сформулирована так: *достижение результатов – ускорение времени – стандартизация пространства* (или его расширение).

То же касается и видов спорта, не связанных с гегемонистской моделью бега-секундомера, например футбола. Досовременные народные игры с мячом часто занимали, интегрировали и открывали все пространство и ландшафт между двумя (или более) деревнями или кварталами. Но в современном футболе соответствующее спортивное пространство свелось к стандартизованному пластичному полю, служащему для достижения «голевых результатов», и временной ориентации, которую принято называть «напряжением». («Танец» игрока и его «акробатика» в футбольном пространстве — это совсем другая история).

Таким образом, спорт представляет собой зримую и яркую метафору современности, делая мир измеримым, побуждая человека стремиться к достижениям и «развивая» пространство при доминировании «динамического» времени. Господствующая форма рациональности находит свое выражение в чистом виде в пространственно-временной организации спорта. Но так ли обстоит дело до сих пор? Недавние перемены в области спорта поставили под вопрос классический современный образ, и при рассмотрении «рациональности» времени во всей панораме сегодняшнего развития культуры обнаруживается совершенно иная картина.

Стресс, новая неспешность и ситуативное время

Классическое современное восхищение направленным временем, скоростью, ускорением и напряжением, конечно, никуда не исчезло. Оно сохраняется, особенно в зрительских видах спорта, особенно освещаемых в средствах массовой информации. Но широкое распространение, к примеру, бега трусцой может служить свидетельством глубоких перемен в развитии культуры: бег перестает служить исключительно созданию продуктивного напряжения и превращается в технику освобождения от стресса. Стресс преследует современный мир и кажется темным двойником футуристического восхищения временем: нет времени, нет времени, нет времени! Это особенно заметно в состязательных видах спорта, которые становятся основной областью производства стресса, наряду с промышленным трудом и школьным образованием (Nitsch, 1981). От восхищения олимпийским *citius* (быстрее!) к стрессу, от временной динамики к ее обратной стороне, болезни: таков путь спорта. В этом смысле бег трусцой и другие подобные явления, скорее, лучше считать антиспортом: они создают вневременные островки в современной жизни.

Развитие западной культуры с 1960-х годов отмечено экспансией восточноазиатских практик — йоги, тай-цзи цюань и других техник медитации и концентрации. Эти практики сменили старые модели движения, создав новую неспешность, резко контрастирующую с современной скоростью и ускорением. Причем такая новая неспешность свойственна не только альтернативной культуре; она также проникла и в мейнстрим, сделав медитацию и «внутреннюю работу» упражнениями, обеспечивающими достижение лучших результатов и повышение показателей на беговой дорожке, футбольном поле и где бы то ни было еще.

Когда в начале 1970-х годов в мир спорта вошли так называемые «новые игры», они не только (в соответствии с первоначальным замыслом) предложили новую «политическую» программу: сотрудничество вместо состязательности, фантазия вместо стандартизации. Они принесли с собой и новую организацию времени: люди играли в игры здесь и сейчас, не обращая внимания на предыдущие рекорды. Вместе со значением результатов исчезла и временная кривая напряжения, которая была заменена некоей ситуативной организацией времени. «Новые игры» были «неповторимыми играми»: конечно, на самом деле в них можно было играть много раз, но в них играли, прежде всего, здесь и сейчас. Некоторые «новые игры» могли превратиться в спорт — как произошло с фризби, скейтбордом и серфингом, — но это означало включение их во временную перспективу современного спорта. Физическое движение само по себе явно не является «спортом» («игрой», «танцем», «трудом»); решающее значение здесь имеет особая организация социального времени. Новый подход ко времени, предложенный «новыми играми», пришелся весьма кстати. Подтверждением этого может служить повторный расцвет «традиционных» игр в 1980-х годах.

В 1770–1820-х годах вальс стал отражением революционного телесного процесса в организации общества («революция пары» [Hess, 1989]) и организации времени (динамичное движение вперед). Но в конце XX века произошли коренные изменения в организации социального танца, особенно среди молодежи. Рок-культура, новый тип «соматической» или «утробной музыки» и соответствующие формы танца и движений тела начали складываться еще в 1950–1960-х годах. С появлением «твиста» в начале 1960-х годов структура пары стала распадаться, а движение вперед — останавливаться и замещаться полицентричными движениями тела (Eichstedt and Polster, 1985; Klein, 1992). Временная структура рока как «соматической музыки» родилась благодаря ритмичному звуку ударных, и это возрождение барабана стало огромным прорывом в западной музыке, где барабан долгое время оставался забытым (исключение составляла только военная маршевая музыка) и где негритянский джаз 1920-х стал предвестием новой «барабанной экзотизации».

Праздник, биография и социальные жизненные формы: идентичность во времени

Организация новой культуры движения, сложившейся в конце 1970-х — начале 1980-х годов, как правило, связана с формой праздника, как в случае с рок-культурой, и других мероприятий праздничного характера. Но в процессе

модернизации и институционализации спорта социально-временная структура досовременных игр, увеселений и танцев была перестроена в соответствии с принципом «дисциплины», специализированных направлений определенных видов деятельности. Произошел переход от многомерного карнавала, ярмарки или турнира к одномерным федерациям бокса, баскетбола и парусного спорта. Принцип дисциплины означал организацию времени в виде последовательности, предполагавшей постепенное совершенствование, повторение и рост, включенный в современное временное деление работы/досуга. В результате, всякое возвращение в спорт праздничного измерения сопряжено сегодня не только с изменениями на уровне содержания, рекарнавализацией и ремюзикализацией спорта, но и с переменами в организации времени, с переходом от линейного роста к ритмическому повторению и точечной, ситуативной прерывистости (тем самым дается жизнь *событию*).

Спорт неразрывно связан с «возрастом». Если раньше спортом занималась исключительно молодежь, то теперь им могут заниматься практически все — дети, взрослые и даже пожилые. И это не только демографический процесс, поскольку его культурное значение связано также с более широким изменением закономерностей развития. «Взросление» спорта может, например, быть связано с новой неспешностью в манере, отличной от молодежного бега. Но этим дело не ограничивается: сегодня складываются новые отношения между спортом и жизнью, устанавливается новая связь между движением и биографией (Eichberg, 1994). Спорт как молодежный вид деятельности без труда можно поместить на восходящую кривую совершенствования (карьеры, роста или прогресса), которая является необходимой составляющей направленного воображения современной жизни (и сопровождаемой параллельной иконографией старости как упадка или вырождения). В то же время спорт как составляющая мира более взрослых людей теперь вступает, хотя и не без трудностей, в мир биографической прерывистости, взлетов и падений, здоровья и болезни, брака и развода, структурных изменений и сдвигов в идентичности. Поэтому современное сочетание «молодежи и спорта» (в министерствах по делам молодежи и спорта в некоторых странах) становится глубоко анахроничным.

Спорт отражал современный разрыв между жизнью и временем, парцелляцию работы и досуга. В результате, место спорта в мире было не связано с работой. Разговоры о спорте были разговорами о свободном времяпрепровождении, а спортивные исследования считались неотъемлемой составляющей исследований досуга. Однако современные исследования социальных жизненных форм рисуют совершенно иную картину (Rahbek Christensen, 1987). Дихотомическая организация досуга (и спорта) и работы характерна только для одного — конечно, крупного и представительного, но редко обладавшего политическим влиянием — класса в индустриальной современности, класса наемных рабочих. Этот класс вынужден был трудиться для удовлетворения своих основных потребностей; но ему также необходимо было искать разрядку в области свободы, связанной с досугом. И именно с ней связывал он свою идентичность; и спорт мог служить не менее важным источником идентичности, чем другие факторы в жизни рабочего класса. Еще один, более влиятельный класс, выстроил схожую дихотомию, хотя и с совершенно иными ценностями. Эти ориентированные на карьеру и достаточно образованные препода-

ватели, администраторы и менеджеры связывали свою идентичность, прежде всего, со своей работой, и весь досуг у них, включая спорт, становился продолжением работы, например, в виде показательного потребления. В третьем классе, который включал независимые профессии, наподобие фермеров, ремесленников и лавочников, редко встречалось такое четкое разделение работы и досуга; в нем семейная жизнь и личная идентичность связываются с работой своего предприятия. Такое деление времени отсутствует и у двух «женских» групп: домохозяйек и жен, живущих в пригородах и связанных соответственно с наемными рабочими и ориентированными на карьеру работниками.

Время, как показывает этот анализ, не является «объективным» научным средством измерения и классификации, а представляет собой отношение, которое взаимодействует с более широкими моделями социальной идентичности. Поэтому место спорта во времени связано с вопросом о спорте и социальной идентичности, включая его отношения с классом, этничностью и — не в последнюю очередь — с гендером. Новое временное многообразие становится зримым в процессе оспаривания одномерности спортивного секундомерного времени как гегемонистской формы организации времени современной рациональности.

Одиснеивание и лабиринт

Пространственная организация спорта не оставалась неизменной в процессе темпоральной «постмодернизации». Когда рациональность спортивного времени стала переживаться как стресс, в области архитектуры началась резкая критика функционализма строений. Эта критика основывалась на новом переживании пространства как монофункционального «вместилища» и проявлялась в новой выразительности строений как в обычной архитектуре, так и в спортивных сооружениях. Датской новацией стал альтернативный «дом движения», а в Венгрии «органические» архитекторы экспериментировали с лишенными центра пространствами танцевальных залов и залов для игр и занятий спортом (Gaborjani and Dvorsky, 1991; Eichberg, 1993). Строго коммерческие интересы были не менее чувствительны к открытию этой новой тенденции, получая выгоду от создания новых экзотических бассейнов и нестандартных парков развлечений; в результате паноптическая спортивная «коробка» внезапно оказалась зажатой между альтернативной выразительностью, с одной стороны, и коммерческим «одиснеиванием», с другой.

Возможно, это новое строительство и архитектурная критика основывались (или, по крайней мере, были связаны) с более глубокими нововведениями на уровне движений тела. Бег трусцой, скейтборд и роликовые коньки проникли на территорию городов и оккупировали ее как на поверхности, так и в подземках, а альпинизм завоевал городскую среду в третьем направлении, используя внутреннее устройство фабрик или внешние фасады офисных башен. Этот новый опыт пространственных приключений все еще трудно выразить словами. (В превращении этих видов деятельности в спорт, как это происходит со спонсируемыми соревнованиями по скейту с особыми правилами и специализированным оборудованием на открытых площадках, нет ничего особенно нового).

Некоторые виды деятельности нового типа повторяют лабиринтообразную организацию пространства, в котором участник движется по кривой, подобно тому, как граффити на стенах отражают непаноптическую иконографию (странные рисунки, но не лишенные смысла). В то же самое время возник новый интерес к классическому лабиринту, отразившийся в бесчисленном множестве публикаций и спекуляций насчет лабиринта, переполненных экспозиций и новых лабиринтов или запутанных зданий. В отличие от прямых линий бега, лабиринт, по-видимому, рассказывает телесную историю, которая связана с «постсовременной» странностью и с компьютерными «бродилками», влияющими на социализацию детей в информационном обществе (Eichberg, 1989b).

Человек, который бегаёт трусцой по утрам, также прокладывает сложные лабиринтообразные маршруты между деревьями и кустами. Множество новых движений образовало в 1970-х годах так называемую «зеленую волну»: туристическое движение в Америке и странах Северной Европы, специальные курсы или игры «на выживание» в лесах. Возможно, эта волна со всеми ее противоречиями служит материальным воплощением современного экологического сознания (Eichberg and Jespersen, 1986). И вновь превращение всех этих видов деятельности в спорт было связано с колонизацией пространства и повторяло «старую историю» современности. Но это только одна сторона медали. Другой стороной стала «внутренняя экология» зеленой волны (Moegling, 1988), выразившаяся в освоении городских центров марафонами, спортивными праздниками и индивидуальным бегом, а также в особом внимании к экологии тела и практиках «зеленой медитации» или «отстраненности».

Новая регионализация и отсутствие надзора: идентичность в пространстве

В отличие от обычных современных спортивных соревнований, новые игры имеют совершенно иной пространственный порядок (или хаос). Олимпийские игры как псевдопраздники и (на деле) сверхсоревнования демонстрируют крайнее состояние пространственной колонизации, захватывая города с монофункциональными бетонными «коробками» и фортификациями, связанными между собой все более широкими транспортными системами. Это не позволяет как самим участникам, так и зрителям видеть все игры. Церемонии открытия и закрытия — это только алиби, зрелище, компенсирующее отсутствие подлинно праздничной связи. Праздничные игры, напротив, временно присваивают «обычные» жизненные пространства, поля в сельской местности или центры в городах, мешая движению автомобилей и используя пространство непривычным образом. Это особенно видно во время праздничных мероприятий, связанных с «традиционными» и «новыми» играми. И если современный спорт — по своему принципу дисциплины и специализации — стремится к гомогенизации национальной территории, включая все больше экспертных групп, специализированных национальных организаций и монофункциональных сооружений, то пространство праздника всегда остается точечным и локальным, сочетая различные виды движения в одном ситуативном событии здесь и сейчас. Если пространством современного спор-

та служат территориальные площадки, то пространство игр и праздников образует *место*, и это место — со всеми своими особенностями и экологией — организационно согласуется с темпоральным измерением *события*.

Организация специализированной территориальности и ситуативного местоположения создает или обозначает различия на уровне идентичности. Современный спорт служил средством нациестроительства, связывая индивидов как экспертов на территориальном, государственном, международном и общемировом уровнях; и с помощью гомогенизирующих правил спорт предоставлял атлетам одновременно равное и иерархическое положение, связанное с территориальной идентичностью: как лучшего провинциального спортсмена или как национального чемпиона. Напротив, праздничное событие, связанное с ситуативным местом, а не с территорией, образует идентичность иным способом, который все еще трудно выразить словами. (Нам известно из доиндустриальной игровой культуры, что карнавал не был гомогенизирующим фактором и не способствовал конструированию идентичности территориального государства). В играх или рок-фестивалях отсутствует пирамида пространственно гомогенизированного соперничества и установления чемпиона, что, в конечном итоге, делает возможным представление единого целого и способствует культивации уникального места и события с его эмоциональной интенсивностью. Поэтому то, что кажется сегодня новой регионализацией игр — в Грузии, Бретани, Стране басков, долине Аоста и Татарстане — или даже новым национализмом, проявляющимся в празднествах с народными танцами, спортивными состязаниями и традиционными играми, на самом деле свидетельствует о появлении новой транссовременной и транстerrиториальной культуры.

Сложности, связанные с выделением пространственных (и временных) особенностей новой культуры движения, вполне могут быть одной из составляющих феномена, которая сама по себе требует анализа: речь идет о непаноптической структуре, свойственной этой новой пространственной организации спорта. Пространство и идентичность (а также время и идентичность) здесь означают множество пространств (или времен) и множество различных пространственных (или временных) форм организации, различающихся в зависимости от гендерной идентичности, региональной культуры, субкультурной идентичности и исторических изменений. И если пирамида — идеальный образ системы современного спорта — пространственно ориентирована на центральную точку обзора, которая находится в паноптической «верхушке», то лабиринту такой паноптизм незнаком. В классическом лабиринте невозможно установить визуальный контроль над ситуацией; возможность надзора отсутствует даже в центре лабиринта. По-видимому, лабиринт иконографически рассказывает контристорию, выступает против иерархического тоталитаризма центральной перспективы. Ностальгические защитники современности и ее рациональности сетуют на наступление «новой непрозрачности», новое отсутствие надзора (Набетмас, 1985), которое представляет собой не только философскую идею, но также телесную практику и пространственный опыт. Возможно, не случайно в эпоху этих лабиринтообразных движений были открыты фракталы, которые позволили по-новому описать сложную социальную практику.

Трудно определить — и невозможно количественно оценить — значение этих организационных изменений. Это простая «рябь» на поверхности спорта и общества? Или возникновение «неспортивного спорта» (Dietrich and Heinemann, 1989) означает серьезные изменения в глубинной структуре современной западной социальности? Геометрические танцы и упражнения раннесовременной Европы, в сочетании с эпохальным введением центральной перспективы, по сути, предвосхитили возникновение западного территориального государства с его социально-дисциплинарным абсолютизмом. Движение вперед в танцах и спорте «эпохи революций» точно также проложило дорогу к современной индустриальной революции. И не является ли новая неспешность и ситуативное время, новые пространства лабиринта отражением нового сценария транссовременности? Каким бы ни был ответ, наше исследование пространства и времени показывает, что они не просто координируют количественную рациональность. Скорее, они образуют организационные схемы, которые, включая на уровне надстройки идеи и дискурсы, становятся элементами социальной мифологии; и в этом смысле спорт перестает быть просто спортом.

Прогресс, карьера и иерархия: относительность социальных мифологий

Но что может сказать нам организация современного спорта о доминирующих мифологиях индустриального общества? И каким социальным языком сопровождались изменения в культуре тела?

«Прогресс» был важнейшим термином в беге и в социальной мысли, соединяя в себе «движение», «ускорение», «достижение» и «рост» (Koselleck, 1975; Oettermann, 1984). Социальному осмыслению этой новой структуры способствовало ее присутствие в телесном — пространственном и временном — опыте. Но это было возможно только в обществе, которое высоко ценило бег и секундомер в спорте. Профессиональные бегуны 1930-х годов всю пользовались словом «прогресс», причем и тогда, и потом «прогресс» был основным лозунгом, начертанным на (красных) знаменах и включенным в названия (левых) газет (*Avanti, Vorwärts, Fremad, Fortschritt, Progress*). Содержание такого «прогресса» всегда было противоречивым и спорным, но даже (правые) «консерваторы» или «реакционеры» не оспаривали его, призывая только «замедлить» бег, вернуться к исходной точке или предлагая свои проекты «подлинного прогресса». Только к 1970-м годам, особенно после доклада «Пределы роста», опубликованного Римским клубом, западные общества начали осознавать проблемы, связанные с этой терминологией (и иконографией). Возможно, это было не просто интеллектуальное открытие, но и событие, вызвавшее сдвиг конфигураций, основанных на новом опыте бега и не-бега в спорте и танцах, ситуативности, лабиринтообразности и новой неспешности. С этого времени социальная мысль не могла больше использовать термины, вроде «прогресса», без иронии, без оговорок или без обсуждения его странной относительности: «прогресс» стал теперь фикцией.

«Карьер» в эпоху раннего Нового времени означал быстрое движение галопом во время скачек. Но с ростом пешеходных путешествий как ранней разновидности спорта этот термин стал применяться к бегу для описания быстро-

го одномерного движения и его футуристической направленности: движение в заданном направлении гарантировало вознаграждение. На индивидуальном уровне «карьера» стала тем, чем был «прогресс» на коллективном, превратившись в основополагающий образ педагогической мысли и организации профессиональной жизни в современную эпоху. Всегда сохранялись определенные различия между социальными классами и жизненными формами, хотя одни из них были почти лишены «карьерных» возможностей (фермеры, домохозяйки, ремесленники), а для других они были открыты (ориентированные на карьерный рост профессии). Но в целом образ оставался неизменным по крайней мере до 1960–1970-х годов, когда безработица стала постоянной и структурной. Теперь в молодежных культурах возникли идеи об отсутствии перспектив («нет будущего», «нет шансов»), а в пространственном измерении такая обеспокоенность нашла свое выражение в лозунге «под бульжной мостовой — пляж». Социологи начали обсуждать «конец общества труда», и хотя модные теории говорят о простой «смене ценностей», затрагивающей только поверхность социальной жизни, здесь (вновь) нельзя ограничиваться одной только «модой». На самом деле, это не просто реакция на изменение экономической «обстановки»; решающее значение здесь имеет социально-телесное сознание относительности (и фиктивности) современной «карьеры».

«Пирамида» всегда была идеальной схемой организации и визуализации современного спорта и на Востоке, и на Западе. С одномерной «вертикальной» ориентацией, классификационной структурой и паноптической ясности контроля, она образовала основу для понимания индивидуальной «карьеры» и коллективного «прогресса». Малая «пирамида» для трех победителей, получающих свои медали рядом с беговой дорожкой, по сути, повторяет универсальную бюрократическую иерархию олимпийского спорта. Идеальные иерархии фашистских партий и капиталистических предприятий, несомненно, следовали той же схеме (хотя, как показывают некоторые глубинные исследования, не всегда в реальных структурах власти и повседневной жизни, лежащих в основе таких структур), но даже самые эгалитарные и якобы бесклассовые системы современности представляли себя в виде «пирамид». Бывшие Советский Союз и ГДР без малейшего стеснения использовали — вполне официально — «пирамиду» и даже терминологию «классов» для описания своей модели спорта. Это противоречило коммунистической идеологии, но логически вполне отвечало современности. Кажется, что падение политико-бюрократических иерархий в Восточной Европе в 1989 году было предопределено кризисом этой «пирамидальной» модели спорта, проявившимся в 1970–1980-х годах. Если это наблюдение верно и если связь между паноптической иерархией и современностью все же существует (как показывают Льюис Мамфорд и Мишель Фуко), то революции 1989 года имеют не только антитоталитарное, но и транссовременное (и трансспортивное) значение. Падение «пирамид» в спорте и обществе в этом случае означает не только (или не столько) движение к новым «пирамидам» — к новым схемам западного спорта вместе с капиталистическими трестами и корпорациями, — но скорее переход к «фрактальной» и «лабиринтообразной» моделям социальности.

Помимо «прогресса», «карьеры» и «пирамиды», можно проанализировать и другие социальные мифологии в их связи со спортом, рассмотрев их зна-

чение для культурной практики тела (или зависимость от нее). Паноптикон как средство надзора за действиями и обществом создал, наряду с парцелляцией (спортивной) деятельности, объявленной социально «функциональной», современный архипелаг контроля и дисциплины (Фуко, 1999). Достижения в спорте и обществе, кристаллизованные в воображаемых продуктах, вроде результатов или рекордов, выражаемых в сантиметрах, граммах, секундах или очках, служили проявлением рациональности индустриальной производительности. Синдром скорости и ускорения — «дромократия» — сводил среду к мелькающей панораме, что стало причиной серьезных проблем в экологии (Schivelbusch, 1977; Virilio, 1977, 1978; Sachs, 1984; Eichberg, 1987). Тем не менее, феноменология события и ситуативности (Dressen, 1991), прерывистое время средств массовой информации, новые лабиринтообразные и фрактальные структуры пространства и общества показывают, что сложившиеся тенденции современности больше не могут оставаться стабильными. И потому необходимо задать вопрос о том, какие мифологии — «после современности» — возникнут из этой дестабилизации и как они будут связаны со спортом и телесными ритуалами.

Новый взгляд на базис и надстройку

Связь между устройством времени и пространства и мифологическими иконографиями в спорте и обществе проявляется на самых разных уровнях. На уровне семантики общество может быть понято как метафорическое выражение основополагающего опыта тела и движения (O'Neill, 1985; Johnson, 1987). Это утверждение привлекает внимание к коллективному подсознательному, которое постоянно производит — посредством своих метафорических операций — социальное знание, точнее, то, что использует телесные знания (например, бега) в качестве основы для самых абстрактных и научных дискурсов (например, «прогресса»).

На другом уровне связь также может быть описана — в своих самых открытых организованных формах — в отношении к различным идеологиям и культурам. В начале XX века тэйлоризм перенес важнейшие черты спорта (количественное измерение, соперничество и секундомер) на промышленный труд, создав новую форму научной человеческой технологии. Футуризм превозносил спорт и автогонки как символы будущего направленного отношения человека ко времени и прогрессу в противопоставление «пассатизму»: уничтожьте музеи и создайте на их месте спортивные площадки! В Италии фашизм использовал такие образы для своих спортивных программ здоровья, культуры и молодости, а русский футуризм в советском Пролеткульте объединял массовый спорт, массовый театр, эргономические лаборатории и психотехнические эксперименты с (антирелигиозной) религией техники и культом измерения времени. Позднее советская «антропомаксимология» вернулась к некоторым из этих идей, провозгласив спорт основой для совершенствования человека на физическом, биологическом и психическом уровнях. На Западе схожие идеи выдвигались функционализмом и идеологическим движением технократов, хотя на практике функционализм постепенно утрачивал свою функциональность, превращаясь в эстетический культ (Lichtenstein and

Engler, 1993). При всей своей эксцентричности культовые движения и мифологические дискурсы все же обладали значительным влиянием. Они выражали социальные ожидания на уровне надстройки, завоеывая успех благодаря обращению к более широкому телесному опыту в социальной жизни, в том числе и тому, который был связан со спортом.

Но что и как конструируется в обществе? К чему относятся пространство и время культуры движения? К материальному «базису» или к «надстройке», если воспользоваться основными марксистскими терминами? Если телесный опыт и практика времени и пространства в повседневной жизни, включая труд, спорт, танцы, игры и праздники, служит базисом социальных процессов и противоречий, то спорт – это не просто идеология, присутствующая на поверхности символической культуры, и не организованный институт, входящий в общественную надстройку. Напротив, будучи ритуальным проявлением «социального целого», спорт глубоко укоренен в материальном базисе общества, определяя организацию труда и даже предопределяя революционные изменения. Поэтому старый вопрос о значении базиса и надстройки в социальной жизни и социальных изменениях по-прежнему остается актуальным. Каким образом культура движения (со спортом как особой парадигмой) связана с неявным знанием и как она проявляется в идеях и институтах (Polanyi, 1966)? И какие изменения на неявном уровне – возможно, более зримые в спорте и танцах, чем в других сферах общества – предшествуют явному падению консенсуса?

И, наконец, что такое пространство и время? Мы начали с аналитического разграничения между ними, принятого в традиции западной мысли. Но изменения в них кажутся взаимосвязанными: ведь время и пространство в движении разделить невозможно. Социальное время и социальное пространство – это не две отдельные области, а единое целое. Размышления о пространстве и времени в опыте спорта становятся основой для критики овеществления пространства и времени в западной мысли. На самом деле в этих размышлениях об устройстве пространства и времени социология, получив неожиданную поддержку со стороны социологии спорта, возвращается к своим истокам, а именно – к философии, к критической философии жизни. Действительные изменения в пространственно-временном устройстве показывают, что время – это не только секундомер и движущееся по прямой тело и что пространство – это не только шкала измерений и «коробка».

Как насчет мяча? Непредсказуемая траектория движения мяча и ритм его ударов позволяют по-новому взглянуть на связь между пространством и временем в социальной жизни. На зеленом футбольном поле время и пространство представляют собой социальные измерения сложных манипуляций с мячом. Более того, посредством мяча люди вступают в сложный диалог друг с другом и с окружающей средой. Этот диалог может быть встречей (*Begegnung*, по выражению Мартина Бубера [Бубер, 1995]) или невстречей (*Vergegnung*) и приносить пользу или вред. Время и пространство – это социальные измерения этого диалога, а это значит, что они никогда не будут универсальными: они всегда будут оставаться специфичными, культурными. Универсальной игры в мяч никогда не было, нет и не будет: игры в мяч всегда будут футболом или теннисом, баскетболом или чем-то еще. Может, универсальность време-

ни и пространства как научных измерений является (и всегда была) оптической иллюзией? Кем мы являемся, когда бьем по мячу? Какова наша базовая пространственность и темпоральность в движении и социальных отношениях? И как они меняются, когда мы меняем игру, меняем то, что мы называем историей? Иными словами, покажи мне, как ты бегаешь, и я расскажу тебе об обществе, в котором ты живешь.

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Бубер М. Я и ты // Бубер М. *Два образа веры*. М., 1995.
- Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М., 1999.
- Bale J. *Sports Geography*. L., 1989.
- Bale J. *Sport, Space and the City*. L., 1993.
- Bette К.-Н. *Körperspuren. Zur Semantik und Paradoxie moderner Körperlichkeit*. Berlin; New York, 1989.
- Der nicht-sportliche Sport*/Dietrich, К., Heinemann, К. (eds.). Schporndorf, 1989.
- Nilpferd des hollischen Urwalds. Spuren in eine unbekannte Stadt. Situationisten, Gruppe SPUR, Kommune 1*. Dressen W. (ed.). Berlin, 1991.
- Eichberg H. *Leistung, Spannung, Geschwindigkeit*. Stuttgart, 1978.
- Eichberg H. *Die historische Relativität der Sachen*. Münster, 1987.
- Eichberg H. *Leistungsräume. Sport als Umweltproblem*. Münster, 1988.
- Eichberg H. Von Tristram Shandy zu «Marchall Vorwärts». Zur sozialen Zeit der Körper in Sport, Krieg und Fort-Schritt. *Sportwissenschaft*. 1989a.
- Eichberg H. The labyrinth. The earliest Nordic «sports ground»? *Scandinavian Journal of Sport Sciences*, 1989b.
- Eichberg H. Forward race and the laughter of Pygmies. On Olympic sport // *Fin de Siècle and its Legacy*/Teich M., Porter R. (eds.). Cambridge, 1990.
- Eichberg H. New spatial configurations of sport? Experience from Danish alternative planning. *International Review for the Sociology of Sport*. 1993.
- Eichberg H. Narrative sociology. *International Review for the Sociology of Sport*. 1994.
- Eichberg H., Jespersen E. *De gronne bolger*. Gerlev, 1986.
- Etchstedt A., Polster B. *Wie Die Wilden. Tänze auf der Höhe ihrer Zeit*. Berlin, 1985.
- Hungarian Organic Architecture*/Gaborjani J., Dvorsky H. (eds.). Budapest, 1991.
- Habermas J. *Die Neue Unübersichtlichkeit*. Frankfurt/Main, 1985.
- Hall E. *The Hidden Dimension*. New York, 1976.
- Hall E. *The Dance of Life. The Other Dimension of Time*. New York, 1984.
- Hansen V. *Illustreret Idratsbog. Vols. 1-2*. Copenhagen, 1893.
- Hess R. *La valse. Révolution du couple en Europe*. Paris, 1989.
- Hopf W. *Soziale Zeit und Körperkultur*. Münster, 1981.
- Johnson M. *The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, Ill., 1987.
- Klein G. *Frauen Körper Tanz. Eine Zivilisationgeschichte des Tanzes*. Weinheim; Berlin, 1992.
- Koselleck R. Fortschritt // *Geschichtliche Grundbegriffe. Vol. 2*. Stuttgart, 1975.
- Stromlinienform. Streamline. Aerodynamisme. Aerodinamismo*/Lichtenstein C., Engler F. (eds.). Zurich, 1993.

- Moegling K. *Alternative Bewegungskultur*. Frankfurt/Main, 1988.
- Nitsch J. (ed.) *Stress*. Bern, 1981.
- Oettermann S. *Läufer und Vorläufer. Zu einer Kulturgeschichte des Laufsports*. Frankfurt/Main, 1994.
- O'Neill J. *Five Bodies. The Human Shape of Modern Society*. Ithaca; NY; London, 1985.
- Penz O. *Bewegungsfelder. Phänomenale Geschichte der Körpertechnik*. Münster, 1987.
- Penz O. Sport and Speed, *International Review for the Sociology of Sport*, 1990.
- Polanyi M. *The Tacit Dimension*. New York, 1966.
- «Sport and space», special issue of *International Review for the Sociology of Sport*/Puig N. and Ingham, A. (eds.). 1993.
- Rahbel Christensen L. *Hver vore veje. Livsformer familietyper og kvindeliv*. Lyngby, 1987.
- Sachs W. *Die Liebe zum Automobil*. Reinbel, 1984.
- Schivelbusch W. *Geschichte der Eisenbahnreise. Zur Industrialisierung von Raum und Zeit im 19. Jahrhundert*. Frankfurt/Main, 1977.
- Virilio P. *Vitesse et politique*. Paris, 1977.
- Virilio P. *Fahren, Fahren, Fahren*. Berlin, 1978.